

О.А. Уроженко

Новая книга о Псков-граде: к вопросу о традициях одухотворенной исторической науки

Н асчитывающая уже более 1100 лет историография «богатырской заставы Земли Русской», как назвал древний Псков скульптор С.Т. Коненков, пополнилась еще одним замечательным изданием¹. Оно выпущено книжным клубом «Терра» в виде фотоальбома и создает многомерный и целостный образ Пскова как особого историко-культурного пространства. Составил его Е.П. Матвеев, известный краевед, помощник ректора Псковского пединститута, в недавнем прошлом генеральный директор Псковского музея-заповедника.

Задуманный более 20 лет назад, собравший уже немалых, маститых авторов, двухтомник оказался на редкость современным, свежим и даже новаторским. Объединенный любовью к родной Земле и глубоким уважением к точному документальному факту, коллектив ученых, художников, реставраторов, фотографов, полиграфистов, спонсоров создал труд, который вызывает в памяти возрождаемые ныне традиции одухотворенной исторической науки. Ее выдающиеся отечественные представители — Н. Карамзин, В. Ключевский, С. Соловьев — вводили духовную идеалообразующую координату как важный критерий анализа исторических судеб народа. Ярко об этом сказал Достоевский: «Мерило народа не то, каков он есть, а то, что считает прекрасным и истинным, о чем вздыхает».

Досконально изучив историю славного края и щедро развертывая ее перед читателем, авторы прежде всего раскрывают внутренний геокультурный потенциал Пскова и псковичей, тех, кто издавна населял эти земли. Новое издание напоминает, что энергетика географического пространства Пскова сформирована тремя мощными природными стихиями. Похожий на стрелу участок земли, образованный слиянием рек Великой и Псковы, широкие дали, раскрывающие купол Небес, взлет высокого обрывистого берега соединились в сильную среду действительно Великого Пскова. Чуткие к красоте и гармонии природных сил, к архетипам природного формообразования

¹ Псков: памятники истории, культуры, архитектуры. В 2 т. М., 2003.

предки нынешних псковичей, по свидетельствам археологов, облюбовали этот мыс для жизни почти полторы тысячи лет назад. Получение высшего духовно-энергетического импульса для развития Пскова связано с именем высокочтимой на Руси великой княгини Ольги. «Предание нарекло Ольгу хитрою, церковь Святою, история Мудрою... Великие князья до времен Ольгиных воевали — она правила государством <...> Не писала, может быть, законов, но давала уставы, самые простые и самые нужнейшие для людей в юности гражданского общества... При Ольге Россия стала известной и в самых отдаленных странах Европы», — писал Н. Карамзин.

Для псковичей Ольга до сих пор остается прежде всего великой псковитянкой, которая, по выражению летописца Нестора, «сияла, словно луна в ночи». Родная земля представила ей, — по косвенным свидетельствам, дочери варяжского князя, — случай, который привел ее на великокняжеский престол в Киеве. Юный князь Игорь, сын Рюрика, познакомился с Ольгой на охоте в псковских землях во время переправы. Родная земля, пространство родных небес создали те благоприятные условия, при которых, согласно житию, Ольгина христианская молитва на берегу реки Великой получила благословление Священной Синевы: «пресветлые лучи, как бы от трех источников» исходящие, озарили чудным светом противоположный берег. Не аскету, не монаху, а жене, матери, правительнице государства было даровано узреть наяву один из сокровеннейших символов христианской веры — «свет трисятельных божественных лучей» Пресвятой Живоворящей Нераздельной Троицы.

Словно прозревая возможность истощения памяти земли, Ольга мудро повелела «закрепить» освещенное пространство храмом в честь Святой Троицы. Он был поставлен в 957 (965) году. Пластика архитектурных форм аккумулировала на многие столетия уникальное культурно-энергетическое прошлое, свет, который был здесь некогда познан.

Исторические страницы нового издания позволяют понять, что великий космопространственный импульс сказался прежде всего на сознании народа. Псковичей всегда отличала редкая способность постичь и сознательно исполнить свою миссию на арене труднейшей отечественной истории. Авторы статьи напоминают об убедительных свидетельствах напряженной духовной жизни старого Пскова, пламенном устремлении к героическому, к вечевой вольности, к чистоте, любви, красоте, подвигу.

Земля, напоенная сиянием Лучей Святой Троицы — утонченнейшим явлением Всеединства, Всеобщей гармонии мира, сформировала особое вечевое сознание народа, способного к общинному творчеству, а в минуты наибольшей опасности — к счастливому единству духовного поступка и социального действия. Незабываемо мужество псковичей, выдержавших более 30 жесточайших осад и 120 войн. Старинный клич: «За святую Троицу!» — помог Пскову выдержать полугодовую осаду поляков в 1581 году. Тогда псковичи отстояли свободу всей древней Руси. За свою средневековую историю город ни разу не был взят неприятелем в честном бою. Надпись на мече, висевшем, по некоторым свидетельствам, в снях Троицкого собора, где заседал совет древней псковской республики, точно выражала воинскую доблесть и силу духа древних псковичей: «Чести своей никому не отдам».

Не менее значителен поступок декабриста, псковича М.А. Назимова: в эпоху николаевской реакции каждый год 13 июля, в день казни декабристов, он заказывал заупокойную службу по своим друзьям в псковской церкви Успения с Полонища. Ратные подвиги и акт гражданского неповиновения — таковы грани вечевого сознания псковичей, освещенные в новом издании.

Духовная составляющая исторического Пскова понята и представлена в двухтомнике широко и свободно. Неповторимые памятники псковской природы, суровый лаконизм архитектуры, выразительная экспрессия икон псковского письма, красота иллюминированных летописей, шедевры серебряных дел мастеров, мастериц вышивки и плетения, художественный вкус и историческое чутье коллекционеров и музейщиков, собравших произведения отечественной живописи XVIII — XX веков в псковских музеях, — вот далеко не полный перечень сокровищ, которые вобрали в себя дух этой земли. Соприкасаясь с уникальным историческим прошлым, с мыслеформами, заложенными великими подвижниками духа в «непостижимом умом» пространстве города, псковичи издавна знали силу вещи — носительницы вести о сокровенном и умели хранить святыни. Есть свидетельства, что еще в XII веке древние псковские «музейщики» сохраняли сани княгини Ольги, а в Троицком соборе и сейчас находится «Ольгин Крест», возобнов-

ленный в 1623 году в память о сгоревшем дубовом кресте, поставленном некогда княгиней на месте, где осенило ее Святое Провидение.

Книга соединяет строгий научный текст и живое сопереживание истории. Художественные фотографии и репродукции входят в блоки текста не «вставными» иллюстрациями, а в качестве особой изобразительной компоненты, десятками отголосков обогащающей смысла научных материалов. В свою очередь и контекст научных статей заставляет по-новому взглянуть на как будто хорошо известный облик храмов, монастырей, на привычный ландшафт или знакомый символический узор кружева, вышивки, росписи.

Особенно отчетливо относит новое издание к возрождающейся традиции одухотворенной исторической науки заключительная статья первого тома — «Дом Святой Троицы», написанная известным реставратором академиком Г.Я. Мокеевым. Бережно прикасаясь к образу Горнего Дома Святой Живоначальной Троицы и строго исследуя пространство ее земного пребывания на псковской земле, — зримую, осязаемую плоть градостроительного ансамбля с храмом во имя этого символа, — Мокеев делает вывод о том, что древние псковичи расширили понятие «Дома Святой Троицы» вначале до масштабов своего города, а затем — всей псковской земли и ее Небес.

Восемнадцать белоснежных храмов-престолов, представляющих в кремлевском Довмонтове городе шесть концов Пскова и двенадцать пригородов-волостей псковской земли, вместе с семью престолом семиглавого главного собора, по наблюдениям Мокеева, резонировали, были подобны описанию видения Небесного Божьего Престола Святой Троицы в окружении двадцати четырех престолов небесных судей-старцев в Откровении (Апокалипсисе) Иоанна Богослова. А когда, пишет автор, в июльские-августовские ночи прямо над Псковским Кромом загорались семь звезд Большой Медведицы, фрактальное всеединство Ликов Земли и Небес становилось буквальным и полным, вызывая образ «беспредельного взаимоотражения». Храмовый комплекс Дома Святой Троицы придавал Пскову характер святыни, града священного.

Господствующий практически над всем старым Псковом Троицкий собор и ныне является пластическим фокусом, который организует пространство города. Особенно выразительна проработка северной оси, сакральной в культуре многих народов наряду с востоком. Здесь Троицкий собор и сейчас «держит» пространство, на протяжении почти двух десятков километров замыкая перспективу шоссе.

Мокеев обращает внимание на еще одну интересную деталь. В архитектурно-планировочной структуре Псковского Кремля Троицкий собор

является своеобразным воплощением самодержавной власти Псковского «государства»: вечевая площадь амфитеатром окружает вертикаль Троицкого собора как иерархический центр, вокруг которого строились, «закручивались» судьбоносные события государственной жизни. По мысли Мокеева, Псковский Кремль стал уникальной моделью мира, где главный храм — престол Небесного Града Святой Троицы на земле, «стольный» гражданский город и «самодержавная власть» представлены в редком взаимосопрягаемом единстве.

Тонкий и умный анализ геокультурного символизма Псковского Кремля снабжен рисунками, чертежами, схемами, живописным образом Пскова XV века, каким он представляется автору статьи. Далекий от оккультизма и мистики, этот анализ фундирован ссылками на Священное Писание, на исторические свидетельства летописей, на художественные критерии. Опираясь на универсальные законы бытия и их претворение в сознании эпохи, ее культуре, в градостроительстве и архитектуре, Мокеев убедительно сопрягает два уровня Жизни, два лика Истории: небесное и земное, физическое и духовное, плотное и утонченное. Подобный «возвратно-свежий», по меткому выражению Е.П. Матвеева, подход к анализу градостроительного ансамбля открывает новые возможности в исследовании явлений культуры как целостности.

Композиционное построение издания вызывает в памяти принцип обратной перспективы: от исторических очерков Е.П. Матвеева и К. Плоткина — к широким пространствам архитектурных и иконописных образов в статьях Ю. Спегальского и О. Аршкуни, А. Овчинникова, Н. Осиповой, к мерцающему блеску образов художественного серебра в материале И. Родниковой. Завершается рассказ о Пскове уводящей в беспредельные просторы метаистории статьей Мокеева.

Каждый из авторов участвует в книге не только как высокий профессионал, специалист в своей области, но прежде всего как пскович, трепетно относящийся к своему краю. Он исследует культуру Пскова «собой», своим духовным потенциалом, своей любовью, нежностью, своим восхищением, своим состраданием. И если о художнике можно сказать, что он не может скрыть себя в своих творениях, то в традициях одухотворенной исторической науки это относится и к ученым, и ко всему авторскому коллективу, объединенному творческим энтузиазмом составителя данного издания.

Перефразируя слова Николая Константиновича Рериха, связанного родовыми корнями с псковской землей, можно сказать, что новая книга о Пскове смело и сильно «из древних могучих камней» складывает «ступени грядущего».

Опыт бездуховной биографии

В конце 2003 г. в издательстве «Молодая гвардия» в серии «Жизнь замечательных людей» вышла книга М.Л. Дубаева «Рерих».

Это не первое обращение издательства к биографии известного русского художника и мыслителя. В 1972 г. в этой серии уже была опубликована книга о жизни и творчестве Н.К. Рериха, написанная П.Ф. Беликовым в соавторстве с В.П. Князевой¹. Она вызвала столь большой интерес у читателей, что через год тираж пришлось повторить. Главными достоинствами этой литературной биографии были не только собранный годами кропотливой работы фактический материал, но и бережное, уважительное отношение к герою книги. Еще более интересно неоконченное исследование П.Ф. Беликова «Рерих (опыт духовной биографии)»². В этой книге Павел Федорович осуществил действительно комплексный подход к биографии, соотнеся биографические факты жизни Рериха с его духовным становлением. Этому автору были присущи духовная деликатность и глубокое знание философского и художественного творчества Рерихов. Комплексное исследование и новое осмысление жизненного пути Н.К. Рериха и его художественного, философского, духовного наследия представлено в труде известного рериховеда Л.В. Шапошниковой — в ее книге «Мастер»³.

Одним словом, у молодого биографа были весьма авторитетные предшественники. Авторитетна и серия, в которой вышла книга. Правда, тон издательской аннотации несколько озадачивает: «автор впервые воссоздает подлинную биографию, раскрывает внутренний мир человека-гуманиста». Это, видимо, надо понимать так: М. Дубаев обобщил опыт первопроходцев, ввел в оборот новые источники и превзошел в мастерстве и научной основательности и П.Ф. Беликова, и Л.В. Шапошникову. Предваряя свой труд словами благодарности Международному Центру-Музею имени Н.К. Рериха, Максим Дубаев ставит еще один знак качества на своем произведении.

И читатель, не ожидая подвоха, с доверием открывает книгу молодого автора.

Кризис жанра

С первой же страницы о качестве книги свидетельствует перевернутый знак триединства — символ защиты культурных ценностей, введенный Рерихом одновременно с подписанием Пакта культуры. Три пурпурные сферы — прошлое, настоящее и будущее — в круге вечности образуют равносторонний треугольник вершиной вверх, что символизирует восхождение духа, его торжество над земной очевидностью. У Дубаева же треугольник перевернут вершиной вниз, что означает нисхождение духа, погружение его в земную материю. Под этим «символом» и проходит изобилующее неточностями и домыслами повествование Максима Дубаева о Николае Константиновиче Рерихе.

Жанр биографии предполагает наиболее полное и объективное представление жизни великого человека. Для этого исследователю и писателю необходимо соотнести три основных компонента: исторический контекст, линию событий жизни и внутреннюю, духовную жизнь героя, без понимания которой события и факты не могут быть освещены объективно. Этим требованиям отвечают упомянутые биографии Н.К. Рериха, созданные П.Ф. Беликовым и Л.В. Шапошниковой.

Надо отметить, что личность Н.К. Рериха, глубина его философских взглядов и сакральность некоторых моментов его жизни и творчества создают для биографа особую сложность. В период работы П.Ф. Беликова над книгой о Н.К. Рерихе его младший сын Святослав Николаевич писал Павлу Федоровичу: «Надо создать истинный, светлый образ, но Человеческий, Труженика, Человека, который жил для человечества, — Образ истинного Подвижника, Ученого, Учителя, жизнь которого прошла Горним Путем. Много было замечательного в жизни Н.К.»⁴. И еще: «Удивительной была жизнь Н.К. и Е.И. Как это нужно все собрать и бережно донести. Сколько было у них знаний, широких, истинных. Мысль была свободной, радостной. Только и думали о благе всех, поверх всяческих внешних условностей, всяких ветхих ограничений»⁵.

¹ Беликов П.Ф., Князева В.П. Рерих. М., 1972.

² Беликов П.Ф. Рерих (опыт духовной биографии). Новосибирск, 1994.

³ Шапошникова Л.В. Великое путешествие. В 3 кн. Кн. 1. Мастер. М., 1998.

⁴ Непрерывное восхождение. К 90-летию со дня рождения П.Ф. Беликова (1911—1982). В 2 т. Т. 1. М., 2001. С. 162.

⁵ Непрерывное восхождение. Т. 1. С. 142.

В свою очередь П.Ф. Беликов писал С.Н. Рериху о своих размышлениях: «...Мы хорошо знаем, что подробное жизнеописание Н.К. [Рериха] — очень ответственная работа. Сейчас я пользуюсь исключительно архивными материалами, и если у меня возникают сомнения, то предпочитаю такие моменты вообще выпускать, чтобы не исказить фактов. Но безусловно, важны не только сами факты, но и их интерпретация, и в этом Ваше указание будет особенно ценным...»⁶ «...Конечно, я считаю эту книгу лишь слабым отзвуком тех чувств и мыслей, которые не облечь в обычные человеческие словосочетания. Остается только надеяться, что эта первая более-менее подробная и систематизированная биография Н.К. [Рериха], в которой как-то раскрыт и его внутренний творческий мир, послужит фундаментом для дальнейших работ и исследований. Как Вы заметите, книга значительно разнится от первоначального варианта. Она ближе к жанру “художественной биографии”, однако в жизнеописании Н.К. [Рериха] я не допустил вымыслов и, в меру возможностей жанра, затронул некоторые серьезные, глубинные проблемы...»⁷

Существует и другой способ написания биографии великих деятелей, который сегодня становится все более распространенным. Факты, исторический контекст и внутренний мир героя в таком «жизнеописании» становятся не столь важными, на первый план выдвигаются сплетни и слухи, окружавшие историческую личность при жизни и присочиненные гораздо позже в соответствии с требованиями новой конъюнктуры. Особенно часто такой метод стал применяться именно к Н.К. Рериху, чей жизненный путь был столь сложным и ярким, что многим хотелось бы его «притушить». Таким желанием, со всей очевидностью, руководствовался в своих произведениях В.А. Росов. Откровенная клевета о великом художнике легла в основу писаний О. Шишкина, В. Сенкевича, Е. Минутко.

Максим Дубаев, взявшись за написание биографии, пытался написать ее с чистого листа, не опираясь на опыт научно-духовной биографии классиков рериховедения, — и попал в зависимость от других авторов, фактически повторив не только методы и приемы, но и некоторые идеи Росова и Шишкина. В косноязычном пересказе Дубаева еще более абсурдными выглядят гипотезы В. Росова, одержимого идеей «развенчания» Н.К. Рериха и желанием представить его не художником и мыслителем, а политиком и дельцом.

«Наша молодежь мало знает о подлинном жизненном подвиге Н.К. [Рериха], — писал П.Ф. Беликов. — Инвалиды от мистики делают из Н.К.

мага, а спящие духом — карьериста. Легенды переплетаются со сплетнями, а реальный трудовой, творческий и жертвенный жизненный путь остается невыявленным»⁸. Дубаев удивительным образом вместил в свой текст оба негативных полюса, упомянутых Беликовым. В его интерпретации Н.К. Рерих рисуется и магом, и карьеристом. Из этого следуют неутешительные размышления о личности новейшего биографа.

Умаление Великих обликов

Ощутимая неприязнь автора к своему герою выражается в постоянном использовании неприязненных отзывов о Рерихе некоторых его современников. Отрывки из воспоминаний А.Н. Бенуа, «Автобиографии» И.Э. Грабаря занимают в книге немалый объем, при этом об отношении к подобным высказываниям самого Н.К. Рериха, который указывал на многочисленные искажения событий, а зачастую откровенную ложь, скромно упоминается в сноске в конце издания.

Между тем отзывы других современников Н.К. Рериха, например, письмо С.Ю. Судейкина, товарища Николая Константиновича по «Миру искусства», от 19 июля 1920 г. (Дубаев, к сожалению, использует его в другом контексте⁹), свидетельствуют о признании организаторских способностей, художественного дарования, простоте и порядочности Н.К. Рериха. Отсюда — готовность доверить ему свои судьбы безоговорочно: «Здравствуйте, дорогой друг, Николай Константинович! Здесь мы живем дружно, и есть проекты воскресить выставку “Мир искусства”. Григорьев в Берлине, здесь — Яковлев, Сорин, Реми, Гончарова, Ларионов; Стелецкий в Каннах. Только не хватает нашего председателя, который предпочитает холодного Альбиона Парижу, городу вечной живописи. С каким восторгом говорил о Вас недавно Ф. Журден, председатель Осеннего Салона, вспоминая “Половецкие пляски” и “Священную весну”. Я думаю, Николай Константинович, что если Вы тронули глаза и сердца рыбободных “бритов”, то здесь Ваше имя имело бы более горячих поклонников и друзей. Приходите и правьте нами. Судейкин»¹⁰.

Из дневников и писем самого Рериха, из высказываний его мы знаем, как критически относился к себе Николай Константинович. Он понимал, что нападки недругов часто были вызваны неумением и нежеланием проникнуть в суть его дел и идей. В черновиках повести «Пламя» он пишет: «Назвать мою жизнь бедной нельзя. Жизнь была особенной. Немногие ее знали. Волком в стае я никогда не ходил. Одиноким медведем иду я. <...> Пусть

⁶ Беликов П.Ф. Письмо С.Н. Рериху от 14.02.1969. Архив П.Ф. Беликова.

⁷ Беликов П.Ф. Письмо С.Н. Рериху от 12.06.1972. Архив П.Ф. Беликова.

⁸ Непрерывное восхождение. Т. 2. Ч. 1. С. 173.

⁹ Дубаев М.Л. Рерих. М., 2003. С. 200.

¹⁰ Цит. по: Беликов П.Ф. Рерих (опыт духовной биографии). С. 168—169.

буду медведем, лишь бы волком не быть. Поймете?»¹¹ Как следует из книги Дубаева, ему этого понять не дано. Истинный Рерих ему недоступен.

Недоступно ему и осознание высокой ответственности, которую он как биограф Н.К. Рериха возложил на свои плечи. «Нет и не может быть отдельной проблемы “Рерих”, но есть широчайший круг вопросов, на благополучное решение которых все сделанное Рерихом оказывает громадное влияние»¹², — писал П.Ф. Беликов. Соотносить масштабы наш автор решительно не способен, не владеет он и методикой комплексного подхода. Зато он в совершенстве овладел приемами желтой прессы. Его книга выстроена таким образом, что большинство глав посвящено какому-нибудь скандалу, имевшему место в ближнем, дальнем и очень дальнем окружении Рериха. На страницах книги представлено более десяти скандалов и скандальчиков, включая не имеющие никакого отношения к ходу повествования драку между бароном Н. Врангелем и М. Боткиным, произошедшую на «Выставке старинных картин»¹³, «нетрадиционные» отношения между Дягилевым и Нижинским¹⁴, слухи о нездоровых наклонностях Ледбитера и судебные тяжбы между Теософским обществом и отцом Кришнамурти¹⁵.

Комментарии Дубаева к событиям и документам имеют, кажется, одну цель — создать неприглядный психологический портрет героя книги. «Был обижен» по отношению к Рериху и «не повезло» по отношению к его начинаниям — эти пассажи встречаются в тексте постоянно. По мнению автора, Рерих был из тех людей, которые в связи с теми или иными событиями вынуждены оправдываться¹⁶ или готовы «разобраться с обидчиками»¹⁷. Вот еще несколько высказываний, показывающих отношение автора к своему герою. «Боялся ли повторения такого же скандала Николай Константинович? Несомненно...»¹⁸ «Рерих раздаривал свои картины, альбомы, искал новых друзей и союзников»¹⁹. «Только во время маньчжурской экспедиции Н.К. Рерих понял, какую роковую ошибку совершил, высказав в прессе восторженное отношение к японцам»²⁰.

Аннотация к книге обещает, что автор обогатит читателя неизвестными фактами из биографии Рериха. И действительно, Максим Дубаев спешит нас «порадовать» своими открытиями:

«...еще в 1900 году Николай Константинович, как бы стесняясь своего происхождения, несколько иронично писал своей невесте...»²¹ Это шутивное письмо, свидетельствующее о великолепном писательском даре Николая Константиновича, о его способности легко перевоплощаться в избранный литературный образ «купеческого сына», Дубаев пытается преподнести в качестве доказательства якобы существовавшего у Н.К. Рериха комплекса неполноценности: «Между тем во Франции произошло очень важное событие: Рерих сумел доказать свое дворянское происхождение и даже баронство. <...> Вопрос о собственном дворянском происхождении давно мучил Николая Константиновича, тем более что его жена была княжеского рода, внучатой племянницей М.И. Голенищевой-Кутузова»²². В подтверждение этого Дубаев приводит отрывки из воспоминаний князя Щербатова, который язвительно сравнивал Н.К. Рериха с Тартюфом, обвинял его в титулопоклонстве и еще бог знает в чем.

Автор старательно и не без азарта «вылепливает» образ мелочного, неудачливого и недалекого человека, который ни в малейшей мере не соответствует реальному облику Николая Рериха, мыслителя и гуманиста, чья жизнь, запечатленная в книгах и свершениях, была ярким примером напряженного служения высшим идеалам, постоянной работы над собой и достижения высокой степени совершенства и гармонии личности. «Большой совершенный Человек»²³ — так сказал о своем отце С.Н. Рерих.

По свидетельству самых близких Рериху людей — его жены, детей, учеников и сотрудников, разделявших с ним тяготы жизненного пути, ему были присущи все те качества, к которым, как это следует из всех мировых философий, необходимо стремиться человеку, ставшему на путь самоусовершенствования: неутомимость и бесстрашие, спокойствие и терпимость, искренность и простота, неутолимая жажда знаний и трудолюбие, доброжелательность и справедливость.

«Добрый и терпеливый, никогда не терявший попусту ни секунды времени, гармонично сочетавший состояние напряженности и ощущения благожелательства, всегда приносивший пользу людям и всегда думавший о благоденствии окружающих его людей, он как личность являет собой со-

¹¹ Беликов П.Ф. Рерих (опыт духовной биографии). С. 128.

¹² Знание для жизни и подвиг в жизни. К 90-летию со дня рождения П.Ф. Беликова // Культура и время. 2002, № 1—2. С. 143.

¹³ Цит. по: Дубаев М.Л. Рерих. С. 203.

¹⁴ Там же. С. 194—195.

¹⁵ Там же. С. 209—210.

¹⁶ Там же. С. 342.

¹⁷ Там же. С. 257.

¹⁸ Там же. С. 198.

¹⁹ Там же. С. 329.

²⁰ Там же. С. 342.

²¹ Там же. С. 327.

²² Там же. С. 325—326.

²³ Рерих С.Н. Пути в Новый мир / В сб.: Стремиться к прекрасному. М., 1993. С. 109.

вершенный образец человека, для которого жизнь стала великим подвигом, высоким служением. <...> Где бы он ни был, в каких бы условиях ни находился, он всегда писал картины. И не только картины — писал свои книги и свои дневники. И это было возможно только благодаря строгой самодисциплине. Николай Константинович всегда верил, что труд очищает нашу жизнь, что человек должен трудиться и через труд он разрешит свои насущные проблемы и поднимется на следующую ступень эволюции. Сам Николай Константинович был как бы олицетворением этой мысли, потому что всю свою жизнь он трудился»²⁴.

«Я поражаюсь размаху и богатству его деятельности и творческого гения, — писал о Николае Константиновиче друг семьи, премьер-министр Индии Джавахарлал Неру. — Великий художник, великий ученый и писатель, археолог и исследователь, он касался и освещал так много аспектов человеческих устремлений. Уже само количество картин изумительно — тысячи картин, и каждая из них — великое произведение искусства». Дополняет этот портрет Индира Ганди: «...да и сам он своей внешностью и натурой, казалось, в какой-то степени проникся душой великих гор. Он не был многословен, однако от него исходила сдержанная мощь, которая словно бы заполняла собой все окружающее пространство... Мы также ценим его как связующее звено между Россией и Индией»²⁵.

Всю свою жизнь Николай Рерих отдал служению идеям красоты, гармонии, искусства, мечтая о торжестве Духа и Культуры. «Почему я называю сущность Н.К. Рериха огненной? — писал А.П. Хейдок. — Потому что она зажгала других возвышенными чувствами подобно пламени, причем пламя от этого ничуть не уменьшалось — ведь от одной свечи можно зажечь миллион свечей»²⁶.

Ни одно из подобных свидетельств друзей и соратников Рериха о его характере и огненной сущности его личности не цитируется Дубаевым. Он не только ни на йоту не приблизился к пониманию духовных основ своего героя, но постоянно пытается низвести события и факты до уровня обыденного сознания, принизить не только историческое значение личности Н.К. Рериха, но и оскорбить его человеческое достоинство. Обвиняя его в черствости и скупости, Дубаев приводит в книге письмо сестры Н.К. Рериха и комментирует: «Родственники ждали приезда Николая Константиновича в Советскую Россию и надеялись, благодаря его авторитету, изменить свое бедственное положение. <...> Лидия ставила Николаю в пример младшего брата Владимира, который даже из

белогвардейского Харбина присылал родным письма почти каждый месяц и часто вкладывал туда заработанные доллары»²⁷. Глубокий знаток биографии семьи Рерихов, П.Ф. Беликов в «Опыте духовной биографии», как бы предвосхищая выпад дубаевых, пишет: «И опять-таки с такими “благими” заключениями лучше вообще не затрагивать “бытовых” сторон жизни Е.И. и Н.К., так как все попытки объяснить и тем самым “оправдать” их приводят к умалению Великих обликов»²⁸. Лучше не скажешь.

Обывательские толкования бросают тень отнюдь не на великих людей, а на тех, кто эти толкования измышляет и тиражирует.

«...Тем хуже для фактов»

«Если факты не соответствуют гипотезе, то тем хуже для фактов», — эта циничная поговорка, к сожалению, часто служит Дубаеву руководством к действию. Автор далеко не всегда обременяет себя ссылками на источники, из которых черпает информацию о «многих тайнах “Державы Рерихов”». Уже в самом начале своего повествования он голословно заявляет о принадлежности Н.К. Рериха к масонству: «Что касается самого Николая Константиновича, то в масонскую (Розенкрейцеровскую) ложу он вступил в 1930-х годах, в Америке, получив сразу высшую степень посвящения»²⁹.

Если бы автор потрудился ознакомиться с опубликованными архивными материалами, он бы знал, что Николай Константинович никакого отношения к масонству не имел. В письме к А.И. Клизовскому от 26 ноября 1935 г. Е.И. Рерих свидетельствует: «Вы, вероятно, знаете от Карла Ивановича (я ему писала), что Н.К. никогда ни в какие масонские ложи не вступал. Вы знаете и мое отношение к этим ложам, из которых многие превратились в бутафорию»³⁰. Сам Н.К. Рерих, наслышанный о подобных инсинуациях, в особенности в харбинской прессе, писал: «В моей жизни враги и завистники не раз пытались постараться. Что только не измышлялось! <...> обозвали самым Антихристом, главою всемирного Коминтерна и Фининтерна, главою масонства. <...> Вот в какие своеобразные суперлативы вдалась зависть и злоба»³¹.

Чем дальше окунаешься в текст, тем больше убеждаешься в том, что Дубаев сам не ведает, что творит. В одном месте пишет одно, в другом — совершенно противоположное. Зачастую разрозненные части повествования, в которых автор пе-

²⁴ Рерих С.Н. Слово об отце / В сб.: Стремиться к прекрасному. С. 74, 77.

²⁵ Держава Рериха. М., 1993. С. 59.

²⁶ Хейдок А.П. Огненная сущность / В сб.: Духовный магнит Рерихов. Одесса, 1991. С. 38.

²⁷ Дубаев М.Л. Рерих. С. 227.

²⁸ Беликов П.Ф. Рерих (опыт духовной биографии). С. 78.

²⁹ Дубаев М.Л. Рерих. С. 8.

³⁰ Рерих Е.И. Письма. Т. 3. М., 2001. С. 669.

³¹ Рерих Н.К. Письма в Америку. М., 1998. С. 66 (письмо от 22 ноября 1935 г.).

рескакивает от факта к факту, нарушая их последовательность и жизненную связь, чередуются с измышлениями его скандально известных предшественников — О. Шишкина и В. Росова и других фальсификаторов. Эти измышления Максим Дубаев выдает за новые, доселе неизвестные подробности жизни своего героя и его семьи.

Пожалуй, самое отвратительное в книге Дубаева — обвинение Н.К. Рериха в шестимесячном стоянии экспедиции на границе Тибета, стоившем жизни некоторым его спутникам и практически всем животным каравана. Дубаев пересказывает известную версию востоковеда Митрохина: «ничто и никто не мог бы помешать Рерихам самовольно направиться в Нагчу, а оттуда — в любом направлении. <...> Письма, которые присылали губернаторы Нагчу, были двусмысленными, что позволяло Н.К. Рериху принимать любые решения. <...> В восточной стране, далекой от цивилизации, Николай Константинович хотел все решить по-европейски. Поэтому он придумывал уважительные письма, а Юрий переводил их на тибетский язык»³². «Губернаторы Нагчу всячески намекали, что не препятствуют продвижению посольства в Лхасу и не могут удерживать его караван»³³. (Кстати, заметим, что Ю.Н. Рерих — крупнейший ученый-востоковед, признанный во всем мире непревзойденным знаток восточных языков, — по версии Дубаева, всего лишь «сносно знал тибетский язык...»³⁴)

Авторски переработанная версия Митрохина полностью игнорирует свидетельства участников экспедиции — Ю.Н. Рериха, К.Н. Рябинина и Н.В. Кордашевского. Из их дневников ясно следует, что в сложившихся условиях не было возможности для самовольного продвижения экспедиции. У Н.К. Рериха был пропуск для проезда в Лхасу, подписанный представителем Далай-Ламы еще в самом начале пути в Урге и якобы дающий право беспрепятственного продвижения по Тибету, но этот пропуск был опротестован губернаторами из Нагчу. «Мы решили остановиться, потому что намеревались войти в страну мирно, не прибегая к применению силы в регионе, охраняемом заставами милиции», — писал Ю.Н. Рерих³⁵. Тибетские чиновники настраивали местное население против европейцев, и не то чтобы самовольное снятие лагеря, но любые передвижения участников экспедиции пресекались. чиновники Нагчу были информированы о любых действиях в лагере, которые искаженным эхом отзывались в их сознании. Безусловно, при несогласованных с властями действиях экспедиции, тем более ее передвижении, власти Тибета, «вдохновляемые» ан-

гличанами, контролировавшими этот регион, силой бы остановили иностранцев, из которых только трое были профессиональными военными. И руководитель экспедиции ни в коей мере не должен был принимать решение, из-за которого могла пролиться кровь.

Кроме того, описывая Центрально-Азиатскую экспедицию Н.К. Рериха, Дубаев игнорирует ее цели и задачи, ее научные и художественные результаты. В повествовании Дубаева остается абсолютно неясным, ради чего Рерихи идут по горам и пустыням Центральной Азии, преодолевая невероятные трудности. Николай Константинович писал об этой экспедиции: «Кроме художественных задач, в нашей экспедиции мы имели в виду ознакомиться с положением памятников древностей Центральной Азии, наблюдать современное состояние религии, обычаев и отметить следы великого переселения народов. Эта последняя задача издавна близка мне»³⁶. Экспедиция имела чрезвычайное значение для дальнейшего научного творчества Н.К. и Ю.Н. Рерихов. Как свидетельствует исследователь жизни и творчества Рерихов Л.В. Шапошникова, «все основные участники Центрально-Азиатской экспедиции вели научные изыскания и собирали научный материал. И делали это в рамках философско-исторической концепции Рериха. Этой концепцией пронизаны дневниковые записи и многочисленные очерки Николая Константиновича. <...> Основу концепции составлял диалектический метод подхода к истории человечества. Подвижность, быстрая изменчивость и противоречивость исторического процесса — все это нашло свое отражение в его концепции. В бурном океане культурной истории человечества ориентиром ему служили так называемые “непреходящие” элементы культурной традиции тех народов, через чьи земли и страны шел маршрут Центрально-Азиатской экспедиции. В основе этого “непреходящего”, или, как мы иногда говорим, “вечного”, лежало коллективное творчество народов, древних и современных, их культурный и нравственный опыт, их духовные ценности и многовековые накопления их труда. <...> “Непреходящие” элементы формировали механизм культурной преемственности, скрытые нити которой усиленно искал Рерих на маршруте своей экспедиции»³⁷. Этот уровень осмысления биографии героя нашему молодому автору недоступен.

Однако есть в книге «открытия», сделанные лично Максимом Дубаевым. В совершенно новой роли выступил в биографии Н.К. Рериха такой одиозный персонаж, как Я.Г. Блюмкин: «Неожиданно советский торгпред стал убеждать Н.К. Ре-

³² Дубаев М.Л. Рерих. С. 300.

³³ Там же. С. 303.

³⁴ Там же. С. 229.

³⁵ Рерих Ю.Н. По тропам Срединной Азии. Самара, 1994. С. 271.

³⁶ Рерих Н.К. Избранное. М., 1979. С. 100.

³⁷ Шапошникова Л.В. Великое путешествие. Мастер. С. 305—308.

риха как можно скорее покинуть Монголию, так как получил указание задержать экспедицию до прибытия из Москвы Я.Г. Блюмкина, а это могло означать только одно — арест Николая Константиновича³⁸. Согласно документам Российского государственного военного архива, Я.Г. Блюмкин был представителем внутренней охраны (ГВО) в Урге с декабря 1926 года³⁹, в то время как Н.К. Рерих покинул Ургу в апреле 1927 года. Зачем же автору потребовалось упоминать эту фамилию? Видимо, потому, что за ней стоит уже разработанный О. Шишкиным пласт ассоциаций, связывающий Рериха с ОГПУ.

Дубаев поддерживает миф о связях Рериха с ОГПУ и делает это весьма прозрачным, хотя и несколько завуалированным способом. Как известно, все зарубежные акции советского правительства в то время не обходились без организующего начала ОГПУ. Поэтому для поддержания «разведывательного мифа» Дубаеву вовсе не было необходимости дословно повторять Шишкина, Минутко и др. — достаточно внушить читателям, что экспедиция Н.К. Рериха, особенно ее Тибетский маршрут, прошла не без помощи Советов: «Николай Константинович уже не сомневался, что путь необходимо держать в Советский Туркестан. А там, возможно при поддержке советских властей, более тщательно организовать свою экспедицию»⁴⁰. Далее: «Вскоре у Н.К. Рериха состоялись встречи с руководством ОГПУ»⁴¹. Ни целей, ни предмета разговора Дубаев не сообщает. Читатель сам должен прийти к выводу, к которому его подталкивает автор. Несколькими страницами дальше вывод делает уже сам Дубаев: «Некоторое время Рерихам удалось сохранить инкогнито, но когда полпред П.Н. Никифоров узнал, что художник находится в Урге по заданию советского правительства, Николай Константинович был очень недоволен, но отказать П.Н. Никифорову не мог. Оставалось только сожалеть о проваленной конспирации»⁴². Автор книги, полагаящий, что Н.К. Рерих находился в Урге «по заданию советского правительства», игнорирует заявление главы пресс-бюро СВР Ю.Г. Кобаладзе, который свидетельствует: «Никаких записей о том, что Рерих был нашим сотрудником или выполнял какие-то задания, в архивах Службы внешней разведки нет. <...> Да, Рерих обращался к советским властям, в частности в МИД, с просьбой оказать помощь в проведении экспедиции»⁴³.

Книги фальсификатора О. Шишкина М. Дубаев стыдливо не включил в библиографию, хотя методы интерпретации некоторых материалов он

позаимствовал именно из этого источника. Например, при описании истории создания Рерихом постаментов для бюста Ленина в Урумчи текст Николая Константиновича: «Перед юртами сиротливо стоит усеченная пирамида — подножие запрещенного памятника» — интерпретируется Дубаевым следующим образом: «Монумент должен был представлять собой усеченную мasonicкую пирамиду, где вместо глаза расположилась бы голова Ленина. Эта идея всем очень понравилась»⁴⁴. Как здесь не вспомнить еще и Василия Иванова, харбинского фашиста, в 1934 году обвинявшего Н.К. Рериха в масонстве! Обоих авторов роднит тотальное невежество, незнание равно как масонских знаков, так и творчества великого художника, опиравшегося в своих новых находениях на духовные символы разных традиций и культур. В данном случае желание автора придать масонский смысл памятнику Ленина с постаментом в форме усеченной пирамиды само по себе выглядит символом абсурда.

Не менее характерны «риторические» вопросы, которые задает Максим Дубаев, например: «Кого же представлял Николай Константинович, когда с официальным визитом отправился в Министерство иностранных дел? Сторонников бежавшего из Лхасы Таши-ламы или другие силы?»⁴⁵ Абзацем ниже автор утверждает уже без доли сомнения: «Участие Н.К. Рериха в организации переговоров с Таши-ламой тщательно скрывалось»⁴⁶. Версия об участии Н.К. Рериха в политических коллизиях, происходящих вокруг Таши-ламы, ничем не подтверждена. Даже автор этой идеи О. Шишкин не смог сфабриковать убедительных доказательств, а В.А. Росов, в докладах и выступлениях неоднократно заявлявший о найденной переписке Рериха и Таши-ламы, в своих публикациях ни разу не цитировал упомянутые им мифические документы. Безусловно, Н.К. Рерих симпатизировал Таши-ламе, духовному лидеру Тибета, изгнанному за пределы своей страны, о чем свидетельствуют некоторые его очерки, но не участвовал в политических интригах вокруг этой значимой в буддийском мире персоны.

Собственно, весь маршрут Центрально-Азиатской экспедиции изображен Дубаевым как результат постоянных колебаний и неосуществленных стремлений Н.К. Рериха. Путь на Москву представлен как вынужденная мера (из-за того, что не пустили напрямую в Тибет). Описывая выезд Рерихов из Хотана, М. Дубаев сообщает: «Путь в заповедный Тибет для Н.К. Рериха был закрыт»; «Из

³⁸ Дубаев М.Л. Рерих. С. 290.

³⁹ Стеценко А.В. «Клевещите, клеветите, что-нибудь да останется» / Защитим имя и наследие Рерихов. М., 2001. С. 544.

⁴⁰ Дубаев М.Л. Рерих. С. 258.

⁴¹ Там же. С. 271.

⁴² Там же. С. 282.

⁴³ Дардыкина Н. Мертвые сраму не имут. Интервью с Ю.Г. Кобаладзе // Московский комсомолец, 1995. 14 янв.

⁴⁴ Дубаев М.Л. Рерих. С. 259.

⁴⁵ Там же. С. 270.

⁴⁶ Там же.

разговоров солдат Николаю Константиновичу стало ясно, что губернатор Хотана думал, что караван обязательно вернется назад, чтобы, несмотря ни на что, все-таки добиться разрешения на проход в Тибет. Но Хотан теперь был далеко, и ближайший путь лежал в обход пустыни Такла-Макан»⁴⁷. Но путь Рерихов на Родину был определен еще в 1923 году, в Сиккиме, в небольшом храме, стоящем чуть в стороне от дороги из монастыря Гум в Дарджилинг. Здесь произошла встреча Елены Ивановны и Николая Константиновича с их Учителем. «Говорили о предстоящей Центрально-Азиатской экспедиции. Россия по плану Махатм была важнейшим этапом в маршруте экспедиции. Рерихи должны были доставить в Россию их письмо»⁴⁸, известное как письмо Махатм Советскому правительству. Руководителям страны был передан также ларец с гималайской землей «на могилу Махатмы Ленина», который экспедиция несла с собой от Гималаев. Такие общеизвестные факты демонстрируют всю абсурдность утверждений Дубаева о том, что включение Москвы в маршрут Центрально-Азиатской экспедиции было вынужденной мерой.

Маньчжурская экспедиция Н.К. Рериха также изложена в «скандальном» ключе. Показаны лишь история с американскими ботаниками, отказавшимися сотрудничать с русским художником и путешественником, возглавившим экспедицию, харбинские сплетни вокруг Рериха, малодушие министра сельского хозяйства США Г. Уоллеса, досрочно прервавшего плодотворную научную работу в степях Внутренней Монголии. Ее результаты остались за кадром повествования. Дубаев не сообщает читателям о том, что эта экспедиция проделала огромный комплекс научных исследований. Членами экспедиции было изучено свыше трехсот сортов растений, пригодных для борьбы с эрозией почвы. В США было послано около 2000 посылок с семенами⁴⁹. Гербарные сборы и исследования материалов древних манускриптов, проведенные во время экспедиции и при дальнейшей работе Института Урусвати, послужили основой для важных сводок по флоре Тибетского нагорья и тибетских лекарственных растений⁵⁰. Экспедицией было открыто несколько новых видов растений. В числе ее результатов можно назвать и серию картин Н.К. Рериха о Монголии, и философские очерки книги «Священный дозор» и первого тома «Листов дневника».

Главный труд жизни Рерихов — философско-этическое учение Живой Этики, данное в сотруд-

ничестве с Духовными Водителями человечества, упоминается Дубаевым лишь вскользь, в упрощенно-искаженном виде. Автору неизвестно, что Живая Этика явилась важнейшим этапом в становлении нового, космического мировоззрения человечества. «Вобрав в себя самое ценное из прошлого и настоящего человечества, идеи Живой Этики не были ни отвлеченными, ни абстрактными. Сложившись в природном космическом потоке, они несли в себе огромный энергетический заряд действительности, устремляя человечество к будущему, к переходу на новый эволюционный виток, к духовному совершенствованию. Охватывая широчайший диапазон космических процессов, Живая Этика способствовала такому пониманию человеком событий, “которое бы отражало суть и основу всей Вселенной”, — по словам самого Рериха»⁵¹. По мнению же Дубаева, Е.И. Рерих писала всего-навсего некие «мистические книги». Не менее странно трактует он и буддийское учение, важную составляющую часть творчества Рерихов. Приход Майтрейи, должный ознаменовать новую эру, Дубаев рассматривает как конец света⁵². В конечном счете все религиозно-философские вопросы сводятся автором к некоей «новой религии», тесно взаимосвязанной с политическими интригами: «Из Марселя в конце декабря 1924 года Н.К. Рерих позвонил в Берлинское советское посольство и договорился с полпредом Николаем Николаевичем Крестинским, которого ему рекомендовали в Америке. Разговор должен был идти о приобретении концессий на территории Алтая и об объединении всей Азии под эгидой новой религии»⁵³.

Эта вскользь брошенная Дубаевым фраза явно обнаруживает свой источник — геополитические измышления В.А. Росова. По его «версии», планы объединения Азии, в том числе и вооруженным путем, активно разрабатывались Н.К. Рерихом. Касательно подобных «версий» и слухов о политических планах Рерихов, которые распространялись еще при их жизни, Елена Ивановна писала: «Соображения о том, что злоумышленники могут изобретать какие-то наветы политического характера, не имеют под собой почвы. Конечно, выдумывать может всякий, но факты нашей широкой культурной деятельности настолько уже исторически неопровержимы, что нелепо даже представить себе такие поползновения»⁵⁴.

По Росову же, составной частью геополитических «планов», приписываемых им Рерихам, является Храм «Единой религии в Звенигороде, в будущей столице нового Сибирского государст-

⁴⁷ Дубаев М.Л. Рерих. С. 249.

⁴⁸ Шапошникова Л.В. Великое путешествие. Мастер. С. 206.

⁴⁹ Беликов П.Ф. Последняя научно-исследовательская экспедиция Н.К. Рериха / Рериховские чтения, 1976 г. Новосибирск, 1976. С. 95.

⁵⁰ Ефремов Ю.К. Н.К. Рерих и география. (К 85-летию со дня рождения) // Вопросы географии. № 50. М., 1960. С. 255.

⁵¹ Шапошникова Л.В. Веления Комоса. М., 1995. С. 36.

⁵² Дубаев М.Л. Рерих. С. 230.

⁵³ Там же. С. 231.

⁵⁴ Рерих Е.И. Письма. Т. 4. М., 2002. С. 372.

ва»⁵⁵. Здесь уже возникает референция на писания «миссионера» А. Кураева, ведущего крестовый поход против философии Рерихов. Тем не менее, как свидетельствует известное письмо Крестинского Чичерину от 2.01.1925, при личной встрече с великим художником ни о какой новой религии речи не было, Рерих показался полпреду настроенным буддийски-коммунистически. Видимо, под новой религией автор вслед за Кураевым подразумевает философскую систему Живой Этики, религией не являющуюся. «Философское учение Живой Этики ни в коей мере нельзя считать религиозным, ибо в нем отсутствуют признаки религиозного учения. В нем также нет никакой культовой практики. <...> “Огненный опыт” Елены Ивановны Рерих, через который она прошла под руководством своих Учителей, к религиозной практике никакого отношения не имеет. Это был научный эксперимент, базировавшийся на энергетических особенностях самого эволюционного процесса. Его смогла вынести только личность с высочайшей духовностью, какой и явилась Елена Ивановна. Никем другим такая “религиозная практика” пока повторена быть не может. <...> В Живой Этике существует не “организованное поклонение Высшим силам”, а богатейший пласт информации, связанный с мирами иных состояний материи и более высоких измерений»⁵⁶ — так отвечает на подобные измышления Л.В. Шапошниковой, посвятившая немало своих работ научному изучению Живой Этики.

Помимо всего прочего в тексте книги М. Дубаева много фактографических ошибок и опечаток. Вот лишь некоторые из них. Дубаев пишет, что «еще осенью 1924 года, когда экспедиция Николая Рериха была на пути в Хотан, резко обострилась обстановка на монгольской границе с Синцзяном»⁵⁷. Между тем экспедиция началась в 1925 году, о чем и было сообщено несколькими страницами ранее. Читателям остается догадываться, в каком из утверждений автор не ошибся. 29-этажное здание Музея Николая Рериха автор упорно определяет как 24-этажное. Год открытия музея обозначен как 1927-й, в то время как открытие состоялось 17 ноября 1929 года. Письмо Чичерина Молотову, написанное после встречи с Рерихом, Дубаев датирует 11 июня⁵⁸, в то время как в Москву Рерихи прибыли 13 июня, о чем сообщается абзацем выше. Третью конференцию Пакта Рериха, состоявшуюся в 1933 году, Максим Дубаев со странной настойчивостью называет конвенцией, хотя конвенция по определению — документ, а не событие. В качестве заключения главы о деятельности Института гималайских исследований «Урусва-

ти» Дубаев без комментариев приводит текст Рихарда Рудзитиса, изобилующий фактическими ошибками. Долина Кулу в нем обозначена как долина реки Кулу, а не реки Беас, слово «Урусвати» расшифровано как «Утренний луч», а не «Утренняя звезда», сообщается о недавнем открытии биохимической лаборатории, которая так и не была открыта вследствие финансовых трудностей. Искажены некоторые индийские слова и топонимы (например, *Патаканкор* вместо Патаканкод, *раджпурский* вместо раджпутский). Центральная Азия обозначена как Средняя Азия. Можно предположить, что это калька с названия книги Ю.Н. Рериха, но нигде не оговорено, что во времена Юрия Николаевича, написавшего книгу «По тропам Срединной Азии», так обозначалась именно Центральная Азия. Следует отметить также, что многие цитаты, приводимые в тексте, не имеют сносок.

Автор книги не только намеренно искажает события вслед фальсификаторам, чьими измышлениями он беззастенчиво пользуется, но демонстрирует элементарное неуважение к фактам, что непростительно для историка.

Биография, детектив или бульварный роман?

Не удовольствовавшись «накалом страстей», созданным благодаря репродуцированию «шпионских» версий О. Шишкина, Дубаев присочиняет некоторые детали в жанре детектива. Возникает некая интрига при описании истории с визами в Индию, которые английские власти в течение 1930 года отказывались выдать Николаю Рериху. В конечном счете настойчивость и находчивость видного художника и общественного деятеля переломили ситуацию, англичане вынуждены были пропустить Рериха в свои владения, и виза была выдана вице-королем Индии. Но Дубаев выдвигает иную версию: «Один из сотрудников музея (кто именно? — *Авт.*) был срочно командирован в Лондон, где, несмотря на уверения английских чиновников в симпатиях Н.К. Рериха к большевикам и революционерам, он все же добился визы для Николая Константиновича и его сына»⁵⁹. Согласно версии Дубаева, этому мифическому сотруднику в кратчайшие сроки удалось то, что не удавалось сделать Рерихам в течение всего года.

Если ознакомиться с документальными материалами английской разведки, представленными в книге Л.В. Шапошниковой «Мастер», то выпи-

⁵⁵ Росов В.А. Николай Рерих: Вестник Звенигорода. СПб.-М., 2002. С. 78.

⁵⁶ Шапошникова Л.В. Подвижничество дьякона Кураева / Защитим имя и наследие Рерихов. В 2 т. Т. 1. М., 2001. С. 387—388.

⁵⁷ Дубаев М.Л. Рерих. С. 267.

⁵⁸ Там же. С. 264.

⁵⁹ Там же. С. 331.

совывается совсем иная картина. Как свидетельствует длительная переписка, происходившая в этом ведомстве в 1930 г., англичане серьезно обеспокоились, что запрет на въезд в Индию русского художника может приобрести еще больший резонанс — состояние здоровья Елены Рерих требовало присутствия мужа и лечащего врача. Прибыв во французскую часть колониальной Индии, Николай Константинович сообщил чиновникам, «что с ним в Пондишери находится лечащий врач Елены Ивановны, который должен навестить пациентку»⁶⁰. Англичанам не удалось провести собственное, устраивающее их медицинское освидетельствование Е.И. Рерих, которая оставалась вне их досягаемости за перевалом Ротанг. Заместитель секретаря при правительстве Индии С.Н. Рой писал своим «коллегам по цеху»: «если ее болезнь будет иметь фатальный исход, мы можем оказаться в ужасном положении»⁶¹. В результате Николаю и Юрию Рерихам было разрешено пересечь границу между французской и английской Индией, и визит таинственного американского сотрудника в Лондон, введенный в сюжет Максимом Дубаевым, вряд ли имел к этому отношение.

Но детективом М. Дубаев не ограничивается, и в описании личных переживаний своих героев он использует еще приемы бульварного романа. Полностью в соответствии с законами этого жанра изложена в книге история взаимоотношений Николая и Елены Рерихов до их свадьбы. Интерпретируя дневники З.Г. Фосдик (уже сами по себе являющиеся интерпретацией), Максим Дубаев привносит свои комментарии, пользуясь тем, что упоминаемых им писем Елены Шапошниковой не сохранилось. По мнению автора, Николай Константинович получает «двусмысленные письма от своей невесты»⁶², Рериху «оставалось только переживать равнодушные письма Елены Ивановны и утешаться тем, что все каким-то чудесным образом исправится и Елена Ивановна станет его супругой»⁶³. «После очередного обидного и совершенно равнодушного письма, полученного от Елены Ивановны, Николай Рерих решил поставить на переписке крест, считая ее теперь бесполезной»⁶⁴. Такой легковесный подход к довольно сложной проблеме личных взаимоотношений весьма далек от «серьезного обсуждения и изучения ценнейшего опыта гармоничного совмещения “земных” и “надземных” планов, который явлен нам в жизни Н.К. и Е.И.»⁶⁵. В книгах П.Ф. Бе-

ликова и Л.В. Шапошниковой «земной» и «надземный» планы воспроизведены бережно и обстоятельно. Павел Федорович писал о Рерихах, что «каждый день их жизни поучителен»⁶⁶. «Вот почему тщательный анализ доступных сторон биографии Н.К. и Е.И. столь важен. Безусловно, что такой анализ не даст результатов, или будет даже вредоносным, если хоть на миг упустим из виду, что в “знаменателе” у нас имеются все показатели о приобщении Н.К. и Е.И. к “сосредоточению огненному”. Эти показатели — единственно правильный критерий при оценке первого периода жизни Н.К. и Е.И. Вместе с тем ошибочно забывать и то, что у них самих этого критерия в руках тогда еще не было»⁶⁷.

Но применить разработанный классиком рериховедения методологический прием М. Дубаев не способен. Выхватив из переписки Н.К. Рериха с его невестой Е.И. Шапошниковой лишь один драматический эпизод, Дубаев игнорирует ту прекрасную и поучительную ее часть, в которой они обсуждают планы будущей совместной жизни. «Сотрудничество Н.К. и Е.И. было редчайшей комбинацией полнозвучного звучания на всех планах. Дополняя друг друга, они как бы слились в богатейшей гармонии интеллектуального и духовного выражения»⁶⁸.

В том же ключе на страницах книги Дубаева изложена версия Росова о взаимоотношениях Юрия Рериха и Марсель де Манциарли⁶⁹. Согласно этой версии, Николай Константинович и Елена Ивановна Рерихи разбили счастье сына, так как не хотели испортить отношения с Кришнамурти, также влюбленным в Марсель. От «благорасположения» Кришнамурти якобы целиком и полностью зависела их поездка в Индию. При этом и Росов и Дубаев забывают, что еще раньше Рерихов в Индию пригласил Р. Тагор и этим приглашением Рерихи также могли воспользоваться. Более того, оба «историка» не учитывают свидетельство такого очевидца и участника этих событий, как сама Е.И. Рерих. В письме к З. Фосдик она так комментирует этот эпизод, объясняя, что к приезду родителей Ю.Н. Рерих уже сам сожалел о своем опрометчивом решении создать семью: «...Вы знаете, что я не писала Юрию против его брака с упомянутой девушкой, ибо было мне написано, что в случае нашего несогласия на этот брак он поступит в иностранный легион. Потому мы отложили всякие объяснения до нашего личного с ним свидания, которое

⁶⁰ Шапошникова Л.В. Великое путешествие. Мастер. С. 467.

⁶¹ Материалы английской разведки. Цит. по: Шапошникова Л.В. Великое путешествие. Мастер. С. 464.

⁶² Дубаев М.Л. Рерих. С. 67.

⁶³ Там же. С. 69.

⁶⁴ Там же. С. 70.

⁶⁵ Беликов П.Ф. Рерих (опыт духовной биографии). С. 51.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Там же. С. 51.

⁶⁸ Непрерывное восхождение. Т. 1. С. 158.

⁶⁹ Дубаев М.Л. Рерих. С. 211—213.

должно было состояться в ближайшие месяцы. Вы знаете, что Юрий был рад узнать, что мы не толкаем его на этот брак. Также и девушка, будучи весьма культурной и талантливой особой, выказала себя с самой прекрасной стороны и разумно приняла мои доводы против брака, где жениху едва исполнилось 21 год, а невесте было уже 27. О всем этом я могла писать Вам из Парижа, но не самому Юрию. Тут какое-то недоразумение, а может быть, и подлог. Не могу понять, с какой целью притянули они этот эпизод? Зачем понадобилось порочить достойную девушку? Если мать выказала себя легкомысленной и увлеклась мыслью выдать дочь за Юрия, то зачем же бросать тень на девушку? Можно еще раз до глубины души протестовать против таких хамских выходок»⁷⁰.

Утрата соизмеримости

Как писала Е.И. Рерих, «...превознести имена второстепенные — показывает на утрату соизмеримости, что равносильно падению духовности»⁷¹. В книге Дубаева удивительным образом оказались вознесены второстепенные имена, ставшие синонимами предательства. Кто из читателей Рерихов не знает о трагической судьбе Музея Николая Рериха в Нью-Йорке, фактически украденного американскими гангстерами — супругами Хорш и Э. Лихтман?

Е.И. Рерих писала: «Хорши подошли к нам через мисс Грант; тогда мы жили в Америке еще только восемнадцать месяцев и не знали многих особенностей и условий этой страны. Так, мы не знали, что г-н Хорш имеет плохую репутацию даже среди своего круга маклеров. Вернувшись из экспедиции и приехав в 1929 году в Нью-Йорк на открытие Дома, профессор Рерих был удивлен, что многие влиятельные и богатые американцы, привлеченные его идеями и искусством, встречая г-на Хорша, отказывались примкнуть к нашей деятельности и уходили»⁷². Хорш был тем человеком, о котором заранее было сказано: «Мука у середины не чиста, но купить новую нет денег»⁷³. Однако надо было начинать строительство с тем, кто есть. Строили в надежде, что смогут силой великой любви и устремления вовлечь Хоршей в поток событий, которые приведут к осознанию ими чувства ответственности и изменят в лучшую сторону их судьбу.

«Амбиции и тщеславие г-на Хорша, а также другие его характерные черты проявились еще с самого начала его приближения. Он и жена его с трудом дожидались нашего отъезда в Центрально-Азиатскую экспедицию, поскольку — по словам самой г-жи Хорш — профессор Рерих затмевал ее мужа и в его отсутствие г-н Хорш смог лучше проявить себя»⁷⁴. Позднее эти качества сыграли зловещую роль в судьбе Хоршей — они не вынесли бремя доверия и предали тех, кто вел их к новым, прекрасным достижениям во имя Культуры. «Предательство <...> произошло на почве корыстолюбия и честолюбия»⁷⁵, с болью в сердце писала Е.И. Рерих. «Г-н Хорш, пользуясь отсутствием Н.К. [и его участием. — Авт.] в среднеазиатской экспедиции, решил захватить в свои руки все здание, все идеи и связанные с ними Учреждения и начинания. Не описать всей лжи, клеветы и всех отвратительных уловок, дошедших до подлога, к которым трое предателей прибегают, чтобы опорочить и исключить из Учреждений основную группу. Так, характерен следующий прием: несколько лет тому назад под предлогом якобы каких-то легальных формальностей г-н Хорш забрал у всех членов Совета Трэстис⁷⁶ их шеры⁷⁷ и затем оставил их у себя на хранении. Теперь же он объявил себя единственным владельцем этих шер и на этом основании планировал исключить из Совета Трэстис наших верных сотрудников»⁷⁸. В истории рериховского движения имя Хоршей стоит в одном ряду с Иудой, Девадатой и другими персонажами, запечатленными в «черных» анналах истории человечества.

Но Дубаев будто и не знает об этом. На протяжении всего повествования он исподволь пытается изобразить Хорша чуть ли не главным героем. В его книге мы встречаем уникальную выдумку, не подтверждаемую ни одним архивным документом: «Еще в 1923 году в Америке Н.К. Рерих заложил фундамент будущего музея. Вначале он предложил назвать его именем Нетти и Луиса Хоршей, так как главное финансирование должны были обеспечивать именно они. В конце концов, решили назвать его именем основателя — Николая Константиновича Рериха»⁷⁹. Очевидно, таким странным образом в сознании Дубаева трансформировались слова Е.И. Рерих о том, что Хорш «бросает Н.К. упрек в том, что все дела служили лишь прославлению Н.К., совершенно забывая, что все Учреждения, основанные Н.К., не

⁷⁰ Рерих Е.И. Письма в Америку. В 3 т. Т. 2. (Письмо от 2.04.38.)

⁷¹ Рерих Е.И. Письма. Т. 5. М., 2003. С. 239. (Письмо от 11 сентября 1937 г.)

⁷² Рерих Е.И. Письма. Т. 4. С. 96. (Письмо от 18 марта 1936 г.)

⁷³ Листы сада Мории. Зов. 6 апреля 1922 г.

⁷⁴ Рерих Е.И. Письма. Т. 4. С. 95.

⁷⁵ Рерих Е.И. Письма. Т. 3. С. 652.

⁷⁶ Trustees (англ.) — члены правления.

⁷⁷ Share (англ.) — акция, пай.

⁷⁸ Рерих Е.И. Письма. Т. 4. С. 46.

⁷⁹ Дубаев М.Л. Рерих. С. 231.

носили его имени, за исключением Музея и образовавшегося при нем впоследствии Общества имени Рериха. Конечно, все мы понимаем, что г-н Хорш хотел бы видеть во главе всех Учреждений свое имя исключительно. Но не может же Н.К. подписывать свои картины, книги и статьи именем г-на Хорша? Какая болезненная зависть!»⁸⁰.

Из истории мы знаем, как повел себя Хорш после строительства музея, какие счета предъявил к уплате. Из писем Елены Ивановны известно, что еще за год до знакомства с Хоршами Рерихи, будучи в Америке, в 1921 году основали Мастер-Институт Объединенных Искусств совместно с Зинаидой Григорьевной и Морисом М. Лихтманом и мисс Франсис Грант. Остальные сотрудники в лице г-на Хорша и его супруги и мисс Эстер Лихтман подошли в конце 1922 года⁸¹. Поэтому имя Н.К. Рериха «было установлено задолго до приезда в Америку» и «не Хорш создал его, как, может быть, утверждают это его адвокаты»⁸². Л. Хорш «пришел уже на готовую пашню»⁸³, и именно «музей положил основание всему социальному положению г-на Хорша»⁸⁴.

Что касается «широкого круга знакомств», якобы существовавшего у Хоршей согласно версии Дубаева, то следует напомнить автору, что приблизиться ко многим сильным мира сего, в том числе к министру земледелия Г.Э. Уоллесу и в дальнейшем к Президенту США Ф.Д. Рузвельту, Хоршам удалось благодаря Рерихам, но не наоборот. Е.И. Рерих писала: «Так не забудем, что имя Н.К. и мои письма открыли им все двери и дали все возможности. Они принимались по первому телефонному звонку и с самым дружественным приветом, но они воспользовались этим, чтобы предать самым низким образом»⁸⁵. В частности, «когда Эстер Лихтман во время своего пребывания в Индии узнала о том, что я состою в переписке с г-ном Уоллесом, то совместно со своими соучастниками она решила, что ей необходимо вернуться в Америку и присутствовать на торжестве подписания Акта в Вашингтоне и для успеха дел подойти ближе к Уоллесу. Для этого она испросила у меня рекомендательные письма для себя и четы Хоршей к Уоллесу, что я в полном доверии и сделала. Они были приняты самым сердечным образом, о чем свидетельствует присланное мне после их встречи письмо самого Уоллеса. Но этого им было мало, они хотели всецело и исключительно завладеть

этим человеком для своей личной выгоды (должно быть, для биржевых операций), и для этого им понадобилось прежде всего поссорить его с мисс Грант. Это им удалось блестяще. Что они наговорили ему про нее, до сих пор в точности мы не знаем, но он в самой грубой форме отказался ее видеть и иметь с ней какие-либо сношения, и мне было предложено сноситься с ним через г-на Хорша»⁸⁶.

Каплей, переполнившей чашу терпения Рерихов, стала подтасовка сообщений, получаемых Е.И. Рерих из Высокого Источника в адрес Ф.Д. Рузвельта. Они передавались через Хоршей. В своем письме Ф.Д. Рузвельту от 12 декабря 1935 г. Е.И. Рерих писала: «Уже несколько месяцев я пытаюсь найти возможность предупредить Вас, что те двое, которые передавали мои послания, оказались предателями на 14-м году сотрудничества и я вынуждена лишить их моего доверия. Поддавшись жадности и амбициям, они нарушили святое доверие и передали Вам в апреле свой собственный совет относительно некоторых финансовых вопросов (серебро), выдавая его как исходящий через меня из Истинного Источника. Этот Источник предупредил меня о совершенном предательстве. <...> Когда они увидели мое возмущение их поступком и осознали серьезное последствие последнего, то, движимые страхом и ненавистью, вступили на путь открытого предательства и решили не только порвать с нами все отношения, но и начать отвратительную кампанию по дискредитации нашего имени, чтобы уничтожить нас как свидетелей их предательских действий»⁸⁷.

Игнорируя все эти очевидные факты, Дубаев в своей книге упорно утверждает, что «финансовое благополучие Рерихи обрели благодаря неожиданному знакомству с биржевым маклером Луисом Хоршем»⁸⁸. «Круг знакомых Луиса Хорша был поистине огромным. Он мог без труда найти необходимые деньги для любого мало-мальски выгодного предприятия: как для создания издательства, музея, организации экспедиции, так и для покупки концессий на Алтае. Поэтому, как только Луис Хорш оказался среди друзей Н.К. Рериха, все учреждения, создаваемые Рерихами, превратились в коммерческие предприятия, приносящие доход»⁸⁹. «Именно Луису Хоршу и его связям на первых порах Н.К. Рерих был обязан своим благосостоянием»⁹⁰.

⁸⁰ Рерих Е.И. Письма. Т. 3. С. 636. (Письмо от 12 ноября 1935 г.)

⁸¹ Рерих Е.И. Письма. Т. 4. С. 46. (Письмо от 4 февраля 1936 г.)

⁸² Там же. С. 34. (Письмо от 27 января 1936 г.)

⁸³ Рерих Е.И. Письма. Т. 3. М., 2001. С. 708. (Письмо от 18 декабря 1935 г.)

⁸⁴ Там же. С. 613. (Письмо от 28 октября 1935 г.)

⁸⁵ Там же. С. 677. (Письмо от 3 декабря 1935 г.)

⁸⁶ Рерих Е.И. Письма. Т. 4. С. 93—94. (Письмо от 17 марта 1936 г.)

⁸⁷ Рерих Е.И. Письма. Т. 3. С. 703—704.

⁸⁸ Дубаев М.Л. Рерих. С. 213.

⁸⁹ Там же. С. 214.

⁹⁰ Там же. С. 215.

Между тем факты неумолимо свидетельствуют, что именно по причине нерасторопности Хоршей было провалено получение американскими учреждениями, основанными Рерихами, концессий на Алтае — проект «Белуха», за которым стояли грандиозные планы по развертыванию строительства города будущего новой России. Переговоры с советскими чиновниками по поводу предоставления концессий велись на самом высоком уровне и первоначально были успешными. Е.И. Рерих писала своим сотрудникам: «...нечего скрывать “Белуху”, ибо это была утвержденная Корпорация. <...> “Белуха” была дана, но тот, кто заведовал у нас финансовой стороною всех дел, никогда ничего не мог сорганизовать»⁹¹; «...сама Зина знает, что неуспех “Белухи”, если говорить о неуспехе, шел с его (Хорша. — *Авт.*) стороны, ибо финансовая часть не была подготовлена, но сама “Белуха” была дана, и за очень малую сумму»⁹². А из писем Н.К. Рериха мы знаем, что «г-н Хорш сейчас злонамеренно говорит, что все не увенчалось успехом, но Вы-то знаете и, если нужно, можете доказать, что Ваши поездки были успешны и лишь недостаток финансовых возможностей, которые были в исключительном заведовании г-на Хорша, не позволял этим начинаниям развиваться»⁹³.

Многие великие начинания были сведены к нулю сначала из-за своеволия, затем из-за предательства Хоршей. Именно в этом качестве они сыграли в жизни Рерихов заметную роль, и любой биограф обязан отводить подобным личностям место, соответствующее их деяниям. Вдумчивому исследователю история предательства Хоршей дает неоценимый материал для изучения трагедии падения духа.

В конечном счете книга Дубаева создает впечатление большого лоскутного одеяла, сшитого из разрозненных кусков, — эпизоды жизненного пути Мастера зачастую никак не связаны между собой, а крапление многочисленных ложных

подробностей в текст книги имеет одну четкую цель — «сбить пафос», заземлить и скомпрометировать героя. Книга пополнила собой список тех публикаций о Н.К. Рерихе и его семье, авторы которых делают себе имя на дискредитации имен великих людей.

Судьба дала молодому автору редкий шанс написать о человеке, символизирующем торжество Духа и культуры, прикоснуться к истокам огненного творчества Николая Константиновича Рериха и опубликовать книгу о нем в серии «Жизнь замечательных людей». Этот шанс был Дубаевым не только упущен, но и употреблен во зло. Искажение великих обликов — это одна из форм жестокой войны против Культуры, которую во все времена ведет невежество, ставшее сегодня еще более агрессивным и изощренным.

Прискорбно, что «Молодая гвардия», известное и уважаемое издательство, отвечая «веяниям времени», пошло по пути принижения великих имен. К сожалению, новая книга о Рерихе, вышедшая в серии ЖЗЛ, заняла свою нишу в развернутой системе черного пиара вокруг имени Рериха, разрабатываемого в расчете на самые различные социальные уровни и культурные слои населения: неискушенным читателям — писания Кураева, Шишкина и Сенкевича; для интеллектуалов — книги Росова; для всех, кто доверяет серии ЖЗЛ, — книга Дубаева, своеобразный опыт бездуховной биографии.

Чтобы писать, надо знать. Знать и любить героя своей книги. Знать, где вечное, а где сиюминутное. Тогда тебя не сможет поглотить пыль архивов, иногда перемешанная с амбициями и завистью современников героя, никто и ничто не уведет в сторону, не заставит встать на путь Ивана, родства не помнящего, не уважающего духовную историю своего отечества и не способного оценить подвиг замечательных людей, которые составляют его гордость.

P.S.

Существует традиционная практика — исследователь, работающий в том или ином архиве, должен выполнить условия, предъявленные ему руководством архива. В данном случае Дубаев обязан был представить свою работу перед ее публикацией в научный отдел МЦР для ее утверждения. Он этого не сделал. В результате появилась книга, где был умален и искажен образ одного из великих сынов России. Сотрудники Отдела рукописей МЦР и я рассматриваем благодарность Дубаева за помощь ему в работе как попытку прикрыть этим свою научную недобросовестность и нечестность. В будущем мы позаботимся о том, чтобы у таких дубаевых не было больше повода «выражать признательность» подобного рода.

Л.В. Шапошникова

⁹¹ Рерих Е.И. Письма. Т. 3. С. 658. (Письмо от 22 ноября 1935 г.)

⁹² Там же. С. 604. (Письмо от 22 октября 1935 г.)

⁹³ Рерих Н.К. Письма в Америку. М., 1998. С. 86. (Письмо от 6 декабря 1935 г.)